

16+

Алия Амирханова

ЧТОБЫ
ПОМНИЛИ

Алия Амирханова

Чтобы помнили

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Амирханова А.

Чтобы помнили / А. Амирханова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Война – это преступление, которому нет оправдания. Потому мир просто обязан использовать опыт ошибок прошлых поколений, чтобы не повторить их в будущем вновь. Детям, погибшим в Великой Отечественной Войне, посвящается.

Детям Великой Отечественной Войны посвящается.

Величавая, могучая, бескрайняя – Земля наша – матушка! И родишь ты, и взрастишь ты, и накормишь, приголубишь, успокоишь! Всё ты видела, всё ты знаешь. У тебя на глазах убиваем мы, друг друга. Уничтожаем с любовью возвращённое тобой, изощраемся в бесстыдстве. Почернела ты от горя и стыда, но вновь слёзы вытерла, духом воспрянула. Сколько ж можешь молчать ты, всякий раз прощая нас? Брожу я по полям твоим, пшеница колосится, золотым блеском глаза слепит! Луга пестрят разноцветьем, соловьи поют, воробьи чирикают, пчёлы жужжат. Словно не было войны, но ведь была!

Тридцать миллионов человек погибли в этой самой ужасной войне мира. Десять миллионов из них – солдаты.

Остальные: женщины, дети, старики. Концлагеря, газовые камеры, опыты, которые проводились на детях – вот лицо этой чудовищной войны! Война была настолько жестокой, что люди хотели выжить лишь для того, чтобы рассказать....

Не прощай нас, Земля-матушка! Береги нашу память! Приняла ты детей наших, погибших в этой войне. Травой выстлалась, словно одеялом укрыла. Каждого поимённо помнишь! Расскажи нам, чтобы и мы, люди, о детях своих помнили, когда хватаемся в ярости за оружие, когда громим и убиваем. Береги нашу память, чтобы помнили! Должны помнить, обязаны....

Иду я по Земле нашей босыми ногами. Холмики всюду! Сколько же их!.. Наклоняюсь над одним и спрашиваю:

– Кто здесь?

– Мы, я и братик мой Лёничка. Мы вдвоём остались, когда мамку нашу фашисты повесили за то, что партизан укрывала... Папка на войне.

– Мамку-то, как звали?

– Демчиха.

– Значит, отец Демьян?

– Ага. Мы от голоду умерли, когда одни остались. Страшно было..., есть очень хотелось. На улице снег..., холодно. Мне три годика было, Лёничке – год.

Спите спокойно, родимые!

Иду дальше. Слёзы глаза застилают. Каждый холмик к себе зовёт, ручки тянет!

– Кто здесь?

– Я, Бася. Мне тринадцать лет было, когда семью мою еврейскую фашисты расстреляли. Я схоронилась. Может, знаете большой куст в конце огородов? Густой-густой. Сидишь тихо, не шевелишься, нисколечко тебя и не видно. Ну, я и залезла туда. Думала, как мамка вернётся – позовёт, я услышу и выбегу. Ждала-ждала. Не зовёт никто. Стемнело, стало страшно. Так я сидела. Ещё день, ещё ночь. Сажу да плачу тихонечко. А однажды тётка одна даёт мне узелок, а там хлеб и немножко сала. Я всё съела, а потом как схватит живот. Так больно было, что помереть хотела. Как холодно стала, перебралась я в сарай. Свиньи там были, ну и я возле них.

– А как же с едой? Или носил кто?

– Так я же не показывалась никому. А ела.... Ну, там, в корыте выбирала что-то. Заметили Басеньку добрые люди. С холодами отправили её к старосте. Он хоть и старостой был, но своих не предавал. Думали, что у старосты искать не будут. Но злой рок не пощадил – ни Басеньку, ни старосту.

Метель ночью разыгралась, ветер неистово завыл. С невиданной до сель яростью стал бросаться он на столбы дубовые, словно сломать их хотел, но крепки они, не разрушить их и в бессилии своём с прощальным горестным воплем к утру – затих. А ближе к обеду привели к тем самым столбам Басеньку и старосту. Приказали на постамент взобраться. Для девочки верёвка высока была, потому табурет на постаменте поставили. Басенька взбежала первая, сама на табурет взобралась, и сама петлю на шею накинута. Стоит так и смотрит в глаза фашистам:

доверчиво, наивно смотрит. Фашисты, что внизу стояли с автоматами – довольно заулыбались. В душе над девочкой смеялись, что ребёнок совсем ещё – не понимает, что значит смерть – торопится. С той самой злорадной улыбкой один из них к Басеньке и подошёл. Всё в глаза ей смотрел. Секунда...и нога фашиста с той самой улыбкой на губах, сильно толкнула табурет и...Не будет уже никогда улыбаться Басенька, не будет в куклы играть, за партией сидеть не будет, невестой никогда уже не станет... Обоих повесили!

Слова не могу вымолвить. Великое горе безмолвствует...

Иду дальше. Васильки синь свою с небом сравнивают. Песней жаворонок заливается... Но не до радостей мне сейчас. Из холмов, что вокруг меня,obeliski выросли. И ребятки наши в круг собрались и поведали мне свой печальный сказ.

Было это в Селенцах, что в Белоруссии. Заняли фашисты – это село. Все здоровые мужики ушли на войну. Женщины, дети да старики остались. Старостой в селе был Каин, прозвище у него такое. Немцам продался. Много бед он принёс людям, своим же сельчанам. С усердием служил он фашистам. Был в селе учитель – Мороз Алесь Иванович. Старый был, больной ногами. Он продолжал вести уроки в селе, но Каин проклятый, донимал учителя и учеников обысками, доносами. И тогда решили мальчишки – горячие бесстрашные сердца – остановить Каина.

Однажды Каин с двумя другими полицаями и немцем-водителем собрались было ехать по делам в соседнюю деревню. По дороге они должны были пересечь мостик. Тот-то небольшой был, но высокий. Ребята, узнав про это, подпилили столбы у моста. Не совсем, а так, чтобы человек или конь могли пройти, а машина нет. Подпили – и разойтись бы! Затаиться! Но молодость своей горячностью славится. Двое из ребят решили остаться, посмотреть, чем дело закончится. Машина с Каином, как и задумывали, проехать не смогла, перевернулась. Немец-водитель умер, а Каин и двое других полицаев спаслись, они-то и заметили, как в кустах мелькнула фигурка ребёнка – больше ничего не удалось им увидеть. Но и этого оказалось достаточно. Проклятуший Каин в деревне всех наперечёт знал, кто с кем дружит, кто его ненавидит и не скрывает этого. Те ребятки впятером всегда держались, дружили в общем. Схватили немцы всех их, пятерых, которые засаду немцам устроили, заперли в амбаре. Стали учителя их искать. Мороз Алесь Иванович мог спастись, но не бросил своих учеников, сам к немцам пришёл.

Избивали, голодом морили учителя и его учеников пять дней, а потом повесили. Всех! Учителя Алеся Ивановича, близнецов Кожанов – Остапа и Тимку, Смурого Колю и однофамильца Смурого Андрея, Бородича Колю. По четырнадцать лет ребятам было. В знак памяти и любви односельчане своим детям и учителюobelisk поставили. Низкий поклон и вечная вам память, мальчишки!

Боже! Горя-то сколько! Не могу идти, на коленях ползу. Детские голоса, сердце в клочья разорвали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.